

Сюрприз

В канун Нового года Шэнъань засиделся в гостях у Чжан Фуяна. Он праздновал вместе с его родителями: они ужинали, выпивали и шумно резались в карты. Между делом Шэнъань звякнул домой — узнать о здоровье отца, тёти и остальных домашних. Ближе к полуночи объявился Лю Хао — набрал из Гонконга, хвастался, что укатил туда кутить на праздники и вернётся лишь через неделю.

Около двенадцати, вежливо отклонив настойчивые просьбы хозяев остаться на ночь, Шэнъань наконец откланялся. На улицу он вышел уже хмельным. Покачиваясь, огляделся по сторонам: широкие проспекты вымерли. Машину он сегодня предусмотрительно оставил у дома, зная, что придётся выпить, и рассчитывал поймать такси. Но куда там — в такую ночь все бомбилы давно сидели по домам в кругу семьи.

Шэнъань неторопливо брёл один, впитывая редкую, почти невозможную для мегаполиса тишину. Вдруг с тёмного неба повалили хлопья снега — крупные, ленивые, похожие на лебяжий пух. Надо же, снег! В Шэньчжэне пошёл настоящий снег!

«Снег?..» — в памяти Шэнъаня внезапно всплыло лицо Лу Чжаньбая. Тот ведь как-то обмолвился, что люто ненавидит зимнюю стужу. Точно, Чжаньбай. И ведь он зазывал его сегодня выпить в баре? Шэнъань тогда промолчал, не согласился, но и отказаться толком не успел. Неужели этот дурак до сих пор там торчит? Оба на чужбине, обоим некуда идти в эту праздничную ночь. Два одиночества среди мерцающих неонам чужих окон... «Ладно, — решил Шэнъань. — Пойду загляну к нему».

До бара было всего четыре квартала — рукой подать. Сменив направление, он, слегка пошатываясь, зашагал по переулкам. Через пару улиц снегопад разошёлся не на шутку: мостовая мигом побелела, а плечи Шэнъаня густо запорошило пушистым настом.

Он поднял лицо к небу, ловя щекой холодные уколы, затем опустил взгляд на белое покрывало под ногами. В груди всколыхались воспоминания. Перед глазами встало детство, проведённое в горах, когда они с учителем-даосом лепили снеговиков. На его родине всегда мело от души, и снежные бабы выходили огромными, в человеческий рост. Учитель тогда, добродушно поглаживая седую бороду, спросил его:

— Шэнъань, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

— Чиновником! Обязательно чиновником! — глуповато улыбаясь, ответил мальчишка.

— И зачем тебе власть? — поинтересовался наставник.

— Отец этого очень хочет, — честно признался Шэнъань. — Да и я сам тоже. На высокой службе можно сделать много хорошего, помочь куче людей.

— Тяжёлая это доля, — вздохнул старый даос. — Хорошего чиновника ругают подлецы, плохого — честные люди. Тяжело устоять на этом пути.

— Значит, я буду таким слугой государевым, чтобы спать с чистой совестью, — упрямо буркнул он.

— Хе-хе, — наставник ласково потрепал его по макушке. — Жить в ладу с совестью — труднее всего. Для этого душа твоя должна быть чиста, как этот свежий снег, а воля — крепка, словно горная сосна на ветру. Справишься ли?

— Обязательно справлюсь, учитель! — звонко пообещал Шэнъань.

— Ну хорошо. А скажи, какое дело ты сделаешь самым первым, когда получишь власть?

— Построю для вас и братьев-послушников огромный, красивый монастырь! Чтобы вам жилось тепло и вольготно.

— Ошибаешься, — мягко прервал его учитель. — Обитель — место для уединения и молитвы. Нам не нужны роскошь и пышность, лишь покой в разуме. Власть дана человеку для того, чтобы облегчать участь простых людей, бьющихся в тисках мирской суеты. Помогать им проходить сквозь невзгоды и обретать счастье. Ты запомнил это?

— Да, учитель. Я запомнил.

«Прости меня, учитель...» — прошептал Шэнъань, мерно ступая по свежему насту. — «Я слишком надолго позабыл твои слова. Моя душа давно не чиста, как тот снег, и воле моей далеко до стойкости сосны. С каждым днём я всё дальше от своей мечты».

— А-а-а-ах! — запрокинув голову к хмурому небу, Шэнъань во весь голос выплеснул накопившуюся тоску. Крик эхом раскатился по безмолвным, заваленным снегом улицам.

В баре «Миксмэн» царило уныние. Праздничная ночь вымела отсюда почти всех клиентов. Шэнъань скользнул взглядом по полупустому залу: в дальнем углу скучали двое личных телохранителей Лу Чжаньбая, но самого их босса нигде не было видно.

Шэнъань направился напрямик к ним.

— Где Лу Чжаньбай? — сухо спросил он.

Амбалы подскочили на месте. Ошарашенно уставились на неожиданного гостя, переглянулись и начали мяться, безмолвно мотая головами.

— Ну раз его нет, я пошёл, — пожал плечами Шэнъань.

Он развернулся к выходу, но перед самой дверью резко затормозил и направился к боковой двери, ведущей в туалетные комнаты.

Заметив это, телохранители сорвались с места и коршунами бросились наперерез, преграждая дорогу.

— Вы чего удумали? — Шэнъань раздражённо нахмурился. — Дорогу я знаю. Мне просто нужно в туалет!

Головорезы снова обменялись растерянными взглядами и нехотя потеснились, освобождая проход.

«Что за цирк?» — недовольно ворчал под нос Шэнъань, толкая дверь мужской уборной.

Приведя себя в порядок у раковины, он уже собирался уходить, как вдруг из глубины помещения донёсся приглушённый звук.

— Ах... нет, не надо... вдруг кто-то войдёт... — раздался тонкий, совсем ещё юношеский голосок.

Шэнъань замер. Звук доносился из единственной запертой кабинки в самом конце туалета.

«Мать вашу... — мысленно выругался он. — И здесь устроили бордель...»

Шэнъань хотел было брезгливо уйти, но раздавшийся следом баритон заставил его буквально прирасти к месту.

— Кого ты боишься? Все давно разошлись. Ну же, скажи мне, хорошо тебе?

Этот голос... Шэнъань не поверил своим ушам. Неужели это?... Чтобы убедиться, он сделал два шага назад, вслушиваясь в звуки за дверью.

— Ах... да, так хорошо... нет, только не туда, не надо... — Юнец захлёбывался стонами, от которых у любого нормального человека сводило челюсти от отвращения.

— Сюда? Тебе ведь нравится, а? Ну так что — хочешь или нет? — Наглый, вальяжный тон. Ошибки быть не могло. Это был он.

«Тварь... какая же бесстыжая тварь!» — ярость мгновенно вскипела в груди Шэнъаня, багровой

волной ударив в голову.

— Не мучай меня... дай же мне... я больше не могу... Лу-шао... — взмолился мальчишка, захлёбываясь похотливым лепетом.

Лу-шао. Теперь сомнений не осталось. Лу Чжаньбай собственной персоной.

— Потерпи, сейчас я отправлю тебя на небеса! — похотливо заржал Чжаньбай.

У Шэнъяня перед глазами всё поплыло от гнева. Вот уж действительно, «сюрприз» так сюрприз! Какая же мразь этот Лу Чжаньбай! Неужели он и со мной когда-то так же обходился? Предел терпения лопнул. Шэнъянь размахнулся и со всей силы впечатал подошву в хлипкую дверь кабинки!

Грохот разорвал тишину туалета, заставив содрогнуться кафельные стены. Из кабинки донеслись два испуганных вопля.

Дверь с треском распахнулась, и наружу вывалился разъярённый Лу Чжаньбай, готовый убить любого, кто посмел ему помешать.

— Какая сука жить надоела!.. — Оружие застряло у него в горле. Взгляд упёрся в ледяное лицо Ли Шэнъяня. Похотливый румянец с Чжаньбая мгновенно спал, лицо его сделалось мертвенно-бледным. — Шэ... Шэнъянь?.. — Он едва ворочал языком от шока.

Шэнъянь заглянул внутрь. Симпатичный паренёк лет семнадцати-восемнадцати сжался в углу, голый и перепуганный до смерти. Сам Чжаньбай, как всегда, при полном параде, если не считать расстёгнутой ширинки, из которой сиротливо и нелепо торчал его вздыбленный срам. Мерзость. Грёбаная, тошнотворная мерзость.

— Шэнъянь, постой... — лепетал Чжаньбай, лихорадочно запихивая свое хозяйство обратно в штаны.

Шэнъянь не стал слушать. Он рванул Чжаньбая за воротник, вышвыривая из кабинки на скользкий кафель, и с размаху всадил ему носок ботинка прямо в солнечное сплетение. Воздух со свистом вылетел из лёгких Лу-шао, и тот мешком рухнул на пол. Шэнъянь, не давая ему опомниться, нанёс ещё два сокрушительных удара сверху — в спину и под рёбра. Чжаньбай хрипел, не в силах даже закричать; дыхание перехватило, он судорожно извивался на полу, точь-в-точь как выброшенная на берег рыба, издыхающая без воды.

Юнец в кабинке дико взвизгнул и, даже не подумав одеться, сверкая голым задом, пулей вылетел из туалета. Шэнъянь проводил его взглядом и вновь посмотрел на корчащегося у ног Чжаньбая. Тот продолжал беззвучно задыхаться. Побои вышли знатными — будь у Лу-шао здоровье чуть послабее, он бы тут же и испустил дух.

Ярость понемногу улеглась. Видя, насколько жалок этот изнеженный барчук в драке, Шэнъань решил, что с того хватит, и развернулся к выходу. Но не успел он сделать и шага, как Чжаньбай рванулся вперёд и мёртвой хваткой вцепился ему в лодыжку.

— Шэнъань... не уходи... выслушай меня... — простонал он сквозь зубы.

— Отпусти! — процедил Шэнъань.

Но Чжаньбай лишь сильнее сжал пальцы.

— Отпусти, тварь! — рявкнул Шэнъань, но тот упрямо продолжал держать его.

Это переполнило чашу терпения. Шэнъань развернулся на одной ноге и принялся методично вбивать свободную пятку в плечо Чжаньбая. Раз, другой, третий... Боль для Лу-шао сделалась невыносимой, мир перед его глазами раскалывался от адских вспышек, но хватку он, вопреки всему, не разжал.

Окончательно озверев, Шэнъань принялся бить по его пальцам и запястьям. Он топтал их до тех пор, пока костяшки Чжаньбая не превратились в кровавое месиво и ладони сами собой не разжались. Но Шэнъань уже не мог остановиться. Он продолжал избивать лежащего ногами: в рёбра, по бёдрам, в живот, по плечам. Остановился он только тогда, когда в уборную ворвались перепуганные телохранители и под руки оттащили его назад.

Лу Чжаньбай уже потерял сознание. Он лежал на спине, раскинув разбитые в кровь руки. Пол вокруг него окрасился багровым. Дорогая одежда превратилась в грязные лохмотья, лицо заплыло жуткими багрово-синими гематомами. Он хрипел, судорожно втягивая ртом воздух, не в силах даже разомкнуть веки.

Увидев эту картину, телохранители похолодели от ужаса. Их холёный, не знавший отказа балованный господин никогда в жизни не получал даже царапины, а тут его едва не забили до смерти. Но с другой стороны... кто просил его сохнуть по этому бешеному прокурору? Ли Шэнъань словно самой судьбой был предназначен стать его личным палачом и погибелью.

Когда Шэнъань только вошёл в бар, охранники сразу почуяли неладное. Ну и какого дьявола Лу-шао понесло устраивать этот непотребный цирк? Ждал ведь его, надеялся, а в итоге не устоял перед смазливym юнцом. Да если и приспичило развлечься, снял бы номер, уехал подальше! Так нет же, умудрился попасться прямо на горячем. «Господи, за какие грехи нам этот сумасшедший достался?» — мысленно сокрушались охранники. — «Лишь бы выжил, ирод... Если с ним что случится, старик Лу с нас живьём шкуру спустит».

Шэнъань резким движением сбросил руки телохранителей со своих плеч. Больше не удостоив распростёртое на полу тело даже брезгливым взглядом, он круто развернулся и зашагал прочь из туалета.

29

<http://bllate.org/book/18227/1759382>